

«Утверждаю»
директор Института
востоковедения РАН
д.и.н. Андросов В.П.

« ____ » октября 2019 г.

**Отзыв ведущей организации
Института востоковедения РАН**

о диссертации на соискание ученой степени кандидата
географических наук по специальности 25.00.24 «Экономическая,
социальная, политическая и рекреационная география»

Токбулатовой Жулдыз Есентаевны
**«Образ Казахстана в России: региональные особенности
формирования»**

Образ страны редко возникает, – если вообще возникает, – как следствие полностью стихийных процессов. В его появлении и/или трансформации в той или иной степени «повинны» и действия субъектов, преследующих определенную цель. Цель эта заключается в позиционировании страны на международной арене. Чем сильнее и богаче страна, тем она больше известна в мире и тем больше шансов, что она будет восприниматься другими странами как значимая сила, с которой необходимо находиться в хороших отношениях либо, как минимум, считаться. Если же говорить именно о хороших отношениях, то одним из самых действенных факторов создания и распространения позитивной известности государства является политика *public relation*. Она направлена на то, чтобы представить страну в максимально выигрышном свете; проводит ее как сама эта страна, так и страны, ей дружественные либо желающие стать таковыми. И совершенно необходимым шагом в выстраивании такого рода политики должно стать выявление средствами научного анализа уже имеющегося образа страны – реального или потенциального объекта политики управления образом.

Образ страны – сложный феномен. Помимо некоего стержня-маркера, моментально всплывающего в сознании при назывании той или иной страны, он включает в себя и множественные ассоциации, которые, если можно так выразиться, подтягиваются в сознании вслед за маркером. Накапливаются они в основном в двух областях представлений: с одной

стороны, в области представлений географических – об особенностях пространственного положения, климата, природы той или иной страны, с другой, в области представлений об ее истории, этнокультурных традициях, экономических, социальных и политических реалиях. С помощью этих ассоциаций осуществляется относительно полная репрезентация страны и для ее жителей, и для жителей других, ближних и дальних, стран.

Внутренний и внешний образ России существует и трансформируется длительное время: уже в XII веке – времени создания «Слова о Полку Игореве – возникает образ «светло украшенной» русской земли, тогда еще не разделившейся на Белую, Малую и Великую Русь. Достаточно продолжительна в российском сознании история и, соответственно, значительна степень разработанности образов тех бывших советских республик, чьи народы-эпонимы принадлежат общему для восточных славян киевскому «корню» (Украина и Беларусь) либо обладали государственностью с античных или средневековых времен (Грузия, Армения, Литва). Или, как минимум, длительное время находились в поле интенсивного взаимодействия Руси / России с ее западными и южными соседями (Эстония, Латвия, Молдова, Азербайджан). Хуже обстоит дело с образами тех постсоветских государств, чьи народы-эпонимы попали в сферу активной российской политики относительно поздно и при этом воспринимались российской стороной как подданные отсталых восточных деспотий либо как скопление племен, в лучшем случае обладавших лишь зачатками государственности. К числу объектов подобного восприятия можно отнести и Казахстан. Его образ в России, в сравнении с образами восточнославянских, прибалтийских и закавказских государств, беден по набору ассоциативных компонентов, личностных персонификаций, а также потому, что в этом наборе безраздельно доминируют ассоциации, во временном отношении не выходящие за пределы советского и постсоветского периода истории Казахстана.

I

Сказанное выше опирается скорее на фрагментарные наблюдения и во многом умозрительные логические построения, чем на результаты специального исследования образа Казахстана в России. Между тем, с учетом геополитического значения Казахстана для России такое исследование просто напрашивалось, поэтому можно только приветствовать появление рассматриваемой диссертационной работы. Ее актуальность не вызывает ни малейшего сомнения; можно даже сказать, что для тех, кто интересуется Казахстаном и российско-казахстанскими отношениями, она вообще не нуждается в обосновании.

Сам по себе удачный выбор действительно актуальной темы еще не гарантирует ее качественного раскрытия. Следующий необходимый и крайне ответственный шаг, в значительной степени предопределяющий конечный результат, – это нахождение методологии, оптимальной именно при выбранном предмете исследования. Методология Токбулатовой – это творчески осуществленное сочетание качественных (глубинные интервью) и количественных (массовые опросы) социологических методов с триединством аналитических приемов, применяемых при анализе содержания текстов (частотный анализ, контекст-анализ и дискурс-анализ). В руках автора она оказалась идеально соразмерной сложной задаче исследования ментальной конструкции, т.е. образа страны.

К методологической части работы можно предъявить лишь две частные претензии. Первая из них касается отбора субъектов федерации для выявления региональной специфики образа Казахстана. Автор остановил свой выбор на Москве, Калининградской и Оренбургской областях и на Республике Алтай (РА). Последний выбор и вызывает некоторые сомнения. РА сильно уступает остальным регионам в численности населения, почти в 5 раз меньшего, чем в Калининградской области, и почти в 10 раз – чем в Оренбургской. Также и плотность населения здесь самая низкая, как и оснащенность РА современными средствами сообщения. В то же время РА обладает самой высокой, сравнительно с остальными регионами, долей в населении казахов (7%), к тому же компактно проживающих. В связи со всеми этими ее особенностями резонно предположение, что формирование образа Казахстана протекает здесь в среде, с одной стороны, сильно разреженной, с другой, имеющей свой собственный «маленький Казахстан». Оба эти обстоятельства делают, на наш взгляд, РА не совсем показательной для выработки представлений о региональной специфике образа Казахстана.

Вторая претензия относится к утверждению диссертанта о том, что «гендерный фактор предположительно слабо влияет на формирование представлений, и им в общем случае можно пренебречь» (с. 54). Такое пренебрежение, видимо, оправдано применительно к ответам, полученным в Москве, где влияние на образ Казахстана гендерного фактора действительно представляется минимальным в силу относительно слабо выраженных гендерных различий в мировосприятии жителей мегаполиса и потому еще, что перекося в пользу женщин в составе московской выборки выражен слабее, чем в других регионах. Но вряд ли верно просто пренебречь, без какой-либо аргументации, этими различиями в случае РА, хотя бы потому, что преобладание здесь женщин среди респондентов – наибольшее. А также потому, что, как минимум, местные нерусские респонденты скорее все-

го сохраняют, пусть в ослабленном и частично модернизированном виде, гендерные различия в вербальных реакциях на окружающий мир и его вызовы, отличавшие традиционных номадов.

II

Одним из главных достоинств диссертации Токбулатовой является ее структура. Дело тут не только в том, что она логична и хорошо сбалансирована, но и в том, что диссертант не побоялся отвести первую из трех глав своего исследования – по объему эта глава занимает свыше четверти работы – под подробный разбор используемых им концептуальных подходов, ключевых понятий и методик. В главе наличествуют и обзор посвященных образам стран исследований, попавших в поле зрения диссертанта, и описание применяемого понятийного аппарата. Но наряду с этим Токбаева специально останавливается еще и на используемых в работе методиках анализа образа Казахстана в целом по материалам СМИ и на социологических методах, подходящих для изучения региональных особенностей этого образа. Удачным представляется и введение в аналитический инструментарий категории «механизм формирования образа», определяемой как передаточное звено между «миром реального и миром воспринимаемого» (с. 35), равно как и предложенный автором набор 13 таких механизмов, сведенных в три типа. Столь большое внимание теоретико-методологическому аспекту феномена образа одновременно повышает доверие и к материалу, собранному автором для анализа, и к результатам самого анализа.

Вместе с тем следует заметить, что первая глава неизбежно оказывается и более уязвимой, чем две другие. Ведь читатель, сам занимавшийся образами стран либо хотя бы поверхностно знакомый с литературой о них, может при желании найти недочеты в авторском описании этой литературы. Как и в определениях значения понятия «образ» и родственных ему понятий «имидж», «бренд», «стереотип», а также их интерпретаций в научной литературе. Так, автор мог бы упомянуть уже имеющуюся специальную работу Сони Лукарелли по историографии образов, больше внимания уделить теоретическим разработкам Саймона Анхольта и предложить более детальную характеристику функциональной значимости стереотипных представлений о стране. Сейчас в первой главе (с. 19) она слишком краткая, в результате оказалась упущена одна из важнейших составляющих этой значимости – обязательная эмоциональная окраска подвергшихся стереотипизации образов, которой почти автоматически обеспечивается то или иное отношение к стране – преимущественно положительное или преимущественно отрицательное – при одном только ее упоминании.

В действительности все эти пожелания, за исключением разве что последнего, и есть именно пожелания на будущее, а не критические замечания к той части текста диссертации, в которой, оставаясь в рамках необходимой исследовательской логики, автор еще и успешно решает специфическую задачу кандидатской диссертации. Задача эта заключается в том, чтобы, помимо демонстрации своей исследовательской компетенции и новизны полученных результатов оригинального авторского анализа, показать высокий уровень хорошо усвоенных знаний. Решена она диссертантом вполне успешно.

III

Остановимся теперь на выводах, сделанных автором на основании его анализа образа Казахстана в России в целом (глава вторая) и модификаций этого образа, зафиксированных Токбулатовой в четырех отобранных ею регионах (глава третья). На наш взгляд, структура «общероссийского» образа Казахстана в ее репрезентации диссертантом выглядит в целом детально разработанной и убедительной. Мы полностью согласны с утверждением диссертанта, что образ этот положительный, но в то же время упрощенный, даже одномерный, клишированный, инерционный, преимущественно наведенный, т.е. не подкрепленный личным опытом, и чрезмерно персонифицированный, поскольку замкнут на личность Назарбаева. Добавим только, что значимость этого вывода до конца раскрывается в сравнении, которое диссертант – сразу же это подчеркнем – не обязан был сделать, но которое украсило бы диссертацию, если бы было сделано. В самом деле, при анализе исторической динамики образа независимого Казахстана в СМИ и в опросах общественного мнения автор, говоря о месте этого образа в сознании россиян, приводит попутно данные и об образах других постсоветских государств, в том числе Украины. И как раз быстрая эволюция образа Украины в России, еще недавно не просто соседствовавшей с Казахстаном по степени позитивной заряженности ее образа, но и нередко опережавшей Казахстан в этом отношении, закономерно вызывает вопрос, насколько устойчивы такого рода образы. Не происходит ли чуть ли не мгновенная в исторической ретроспективе трансформация позитива в негатив именно потому, что «светлый» образ почти целиком сложился под воздействием унаследованных из прошлого стереотипов и навязчивой пропаганды? Иначе говоря, потому, что пришедший извне (из школьных учебников, советского исторического наследия и из телевизора) положительный образ не был закреплен в общественном сознании самостоятельным его осмыслением?

Представленный в работе фактический материал и его аналитическая обработка убеждают в том, что автор прав и тогда, когда в качестве самой первой характеристики региональных образов отмечает их значительную близость. В целом верным, хотя не совсем полным представляется объяснение автором этой особенности региональных образов. Мы говорим «не совсем полным» вот почему. В диссертации совершенно справедливо указаны и с разной степенью подробности охарактеризованы несколько единичных и значимых для всех регионов факторов формирования и воспроизводства образа Казахстана в России. Таких, например, как историческая память о совместном советском прошлом, единообразно частое «всплывание» некоторых географических образов, опять-таки унаследованных сознанием из советского периода (Алматы, Астана, Байконур), в целом благоприятная для России геополитическая ориентация Казахстана. Но буквально вскользь сказано о не изжитом до сих пор комплексе «старшего брата», как бы подстилающем слагающие образ представления и ассоциации. Комплекс этот, в большей или меньшей степени распространенный повсеместно, восходит к тому времени, когда советские марксисты-энтузиасты «подтягивали» кочевников-казахов до уровня передового класса – русского пролетариата. Ныне он не столько акцентирует в восприятии ощущение превосходства, сколько оборачивается равнодушием ко всему, что происходит, что меняется в пространстве бывшего русского культуртрегерства. Есть в нем и еще один компонент, воздействующий в том же направлении, что и память о советском прошлом и клишированное представление Казахстана в СМИ. Это остатки русского «расизма наоборот» – представления о том, что все Другие – такие же, как Мы. Казалось бы, оно должно благоприятствовать как прямым, так и опосредованным межкультурным контактам, обогащению через контакты представлений о Других, а значит, и коррекции их образов. На деле же подобный отказ Другим в инаковости осложняет и затрудняет контакты как таковые, препятствует восприятию информации, эту инаковость демонстрирующей, и в конечном счете способствует сохранению образа-клише.

В остальном обширная часть текста, посвященная выявлению и разбору региональных образов является, пожалуй, наиболее фундированной и убедительной частью работы. позволяющей к тому же утверждать, что в лице Токбулатовой мы имеем сложившегося интересного исследователя. Так, не вызывают каких-либо возражений или сомнений ее анализ и вытекающие из него характеристики особенностей как самого образа Казахстана, так и механизмов его формирования в Москве, где этот образ предстает самым формализованным, сдержанным и актуализированным и где он выстроен в наиболее современном информационном поле. Равно убедитель-

тельны анализ, представление и объяснение механизмов возникновения региональных модификаций образа Казахстана в Калининградской области, где существенную роль сыграла миграция из Казахстана, и в Оренбургской области с ее наиболее длительным и богатым среди всех пограничных с Казахстаном российских регионов опытом хозяйственного и межкультурного взаимодействия русских и казахов. (Разве что стоит рекомендовать диссертанту в будущем обратить внимание на буферную роль оренбургских татар в этом взаимодействии.) Что касается модификации образа Казахстана в РА, то она и отражает, несомненно, определенную противоречивость самого образа на этой территории, и свидетельствует о достаточно специфическом наборе компонентов в локальном механизме ее сложения. В то же время она, как представляется, подтверждает высказанные нами ранее сомнения в продуктивности отбора РА для анализа региональной специфики образа Казахстана. Картина получилась интересная, даже интригующая; но для ее корректной «расшифровки» требуются дополнительные усилия, включая привлечение обширного демографического и историко-этнографического материала, что вряд ли могло быть сделано в рамках данного диссертационного исследования. И в любом случае это не отменило бы маргинальность этой картины с точки зрения задачи выстроить целостное представление об образе Казахстана в России.

IV

Приведенные выше критические соображения не имеют принципиального значения для общей итоговой оценки диссертации. Более того, часть из них можно трактовать как замечания комплиментарные. Ведь само их появление фактически обусловлено диалогичностью работы – тем, что она будит интерес, толкает к размышлению, в том числе выходящему за рамки заявленной Токбулатовой проблематики. По этой причине рассматриваемой исследование можно смело назвать эвристическим, что применительно к кандидатской диссертации звучит не так уж часто.

В целом диссертационное исследование Ж.Е. Токбулатовой «Образ Казахстана в России: региональные особенности формирования» полностью соответствует критериям пп. 9 -14 Положения о присуждении учёных степеней, утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 г. Оформление научно-справочного аппарата и изобразительного материала не вызывает никаких нареканий, написана диссертация хорошим языком, насыщена массой впервые вводимой в научный оборот информации, анализ которой проведен в соответствии с заявленной методологией, а выводы из этого анализа хорошо аргументированы и четко сформулированы. Автореферат отражает основные

положения диссертации, публикации раскрывают систему доказательств. Жулдыз Есентаевна Токбулатова безусловно заслуживает присуждения ей искомой научной степени кандидата географических наук по специальности 25.00.24.

Отзыв ведущей организации на диссертацию Токбулатовой Жулдыз Есеновны подготовил заведующий Центром исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН кандидат исторических наук Панарин Сергей Алексеевич. Отзыв обсужден и одобрен на заседании Центра, в котором также участвовала находившаяся в тот момент в Москве Бочкарёва И.Б., доцент кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, 9 октября 2019 г., протокол № 8.

Заведующий Центром изучения общих проблем
современного Востока

к. и. н. Панарин С.А.

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения РАН (ФГБУН ИВ РАН)

107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12

Тел.: +7 (495) 621-18-84; (495) 625-64-61; (495) 625-93-07.

e-mail: info@ivran.ru